

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 4 (18) 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: askorgav@mail.ru

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,
технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,

e-mail: n02011952a@mail.ru
специалист по связям с общественно-

стью – Игорь Владимирович Табаков,
e-mail: igor.tabakov65@mail.ru
секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,

e-mail: ninavs@mail.ru

Художник Ольга Кузьмина

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 13.06.2023. Фор-
мат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 4,9. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35

Тел. (8412)21-68-14

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,

e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литер А.

Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Вера Шестакова. Тихая охота	3
Яна Столицына. Ласточки летают низко	7
Ирина Гет-Мудриченко. Шрамы	11

ПОЭЗИЯ

Наталья Шмелёва. Любимый край	12
Дорога	13
Возвращение	13
Закатный август	14
На Волге	14
Тихое счастье	15
Ольга Корчагина	15
«На паутинках солнечным лучом...»	16
Жизнь (Шахматы)	16
Малиновый рай	17
Под звёздами	17
Мама и Пушкин	18
Бабье лето	18
Мария Затонская. «Мальчик в больнице...»	19
«На крыше стоэтажки...»	20
«И потом остаётся...»	20
«Уходя, оставишь квартиру, машину, дачу...»	21
«Вещи тоже умеют сходить с ума...»	21
«Дело даже не в музыке или смерти...»	21

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Сергей Филин. Тьма – не отсутствие света	22
Валентина Филатова. Тучи	23
Фёдор Тогузов. Вот и кончилось лето	23
Татьяна Шварёва. «По утрам облака...»	24
Евгений Харитонов. Признание	24
Анна Мартышина. «А это Бог...»	25
Олег Карев. Русское село	26
Тома Городнова. «У дороги путники...»	26
Сергей Арутюнов. «Выступавший по вторникам и четвергам...»	27
Антон Хрулёв. Бой	27

Лауреаты конкурса «Одно стихотворение года – 2022»,
занявшие 3 место

Тамара Химатова. Польшало над страной	28
Наталья Мошинская. «А давай сбежим в Венецию...»	29
Александр Зверовщиков. Глубина осени	29

КРАЕВЕДЕНИЕ

П. С. Горсткин. Тюремный дневник (окончание)	31
Наталья Каресли. Прогулки по родному городу	38

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Арутюнов. Мы выбираем (продолжение в следующем номере)	41
--	----

НОВЫЕ КНИГИ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Алексей Питиков. Обратная сторона монетки	44
---	----

ЮМОР

Владимир Щербин. История с математикой	46
Тома Городнова. За пятьдесят	48

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Антон Тюкин. Солнце	49
Тучки	49
Родник	50
Надежда Винокурова. Дружба пернатых	50

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Андрей Янин. К портрету И. И. Лажечникова	52
Анастасия Дёмина. Птицам	53
Елена Зинина. Подвиг	53

СОБЫТИЯ. ДАТЫ	54
---------------------	----

ПРОЗА

Вера Шестакова

Вера Владимировна Шестакова родилась 22 ноября 1952 года в городе Пензе. Окончила Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. Работала в школе завучем, учителем русского языка и литературы. Почётный работник общего образования РФ, Ветеран труда.

Публиковалась в журнале «Четверговая соль» и коллективных изданиях.

Участница литературного клуба «Я сень».

Тихая охота

Три молодые женщины, со вчерашнего дня соседки в семейном общезитии, попали в карельские леса волею случая. А случай этот таков – мужья получили направление на службу в край тысячи озёр. О городской цивилизации здесь напоминали только два старых двухэтажных дома да асфальтированная дорога к трассе, ведущей от Петрозаводска к границе с Финляндией. Дорогой пользовались не только люди, но и рыси, лисы, кабаны, а то и медведи. Вокруг городка лес – загадочный, болотистый, угрюмый. За высоким бетонным забором военная часть. В плену романтики женщины неудобств не замечали и наслаждались своей молодостью, здоровьем и окружающей их красотой природы.

Задорная рыжеволосая Катя решительно объявила соседкам, собравшимся на кухне за утренним чаем:

– Сегодня идём на охоту!

– Дай хоть сначала чемоданы разобрать, обстановку разведать, – перебила её Тамара, высокая, плечистая, словом, Большая, как её стали называть в дальнейшем.

– Охота... да не каждому под силу.

Охота – много трудностей и бед.

Охотники же в ней находят силу,

И молодость, и пищу на обед, – вспомнила чьи-то строки Светлана. – Нет, на охоту не пойду – мне она не под силу!

– На тихую охоту, на часок, – не унималась Катя, – а с чемоданами и с обстановкой мы разберёмся вечером.

В лес пошли, будто в магазин в городе, не опасаясь заблудиться, провалиться в болото. У каждой из подруг ведёрко для ягод. У Большой Тамары ведро значительно тяжелее. Она приготовила сюрприз для подруг: спрятала в нём пластиковую бутылку с газированной водой.

Вдоль дороги стояли сосны, стройные, как флажки на плацу. Густо пахло смолой, медвяной смесью цветущих трав, удушливым багульником. Звонко свистела какая-то птица. Оглушительно громко стрекотала стая сорок, перелетавшая с дерева на дерево вслед за ягодницами. Девушки шли по мягкому сосновому опаду, толстым слоем покрывшем грунтовую дорогу. Они весело разговаривали, что-то напевали.

Стали донимать комары. На верхушке сосны каркнула ворона.

В чащу лезть совсем не хотелось и, когда в левую сторону от дороги побежала тропинка, подруги, недолго думая, гуськом двинулись по ней, гремя ведрами и выглядывая по сторонам желанные кустики черники.

Вдоль тропинки вились ниточки клюквы, усеянные ягодами. Нет, ещё не время клюкве – лежи, дозревай!

Тропинка вела вперёд, будто кто-то неведомый разматывал перед подругами клубочек, зазывая вглубь незнакомого леса.

Неожиданно тропинка оборвалась.

– Станция Березайка: кому надо, вылезай-ка! – оценила обстановку вездесущая Катюха.

Куда идти? Девушки осмотрелись и заметили вросшие в землю полусгнившие брёвна, торчащие вкривь и вкось изъеденными временем концами. Это была гать, настеленная ещё в годы Великой Отечественной войны, а может, ещё раньше, в финскую. Гать была покрыта пушистым мхом. Кое-где поблёскивали чёрные лужицы, затянутые ряской.

– Налево пойдёшь – в чащу попадёшь, направо пойдёшь – в болоте пропадёшь. Может, вернёмся? – предложила Светлана.

Девушки посоветовались и ступили на переправу. Вот оно – настоящее приключение! Где бы ещё горожанкам пришлось перебираться по трухлявым брёвнам через заросшее травой болото...

Шажок за шажком, стараясь не попасть ногами в щели, продвигались девчата по переправе. И вот они оказались на поляне! Будто по мановению волшебной палочки попали из одного мира в другой: солнечная дорожка сменилась сумерками поляны, окружённой плотной стеной елей и крепких берёз.

Шустрая Катюшка бросилась на разведку местности, оступилась и рухнула на траву, усеянную чёрной ягодой. Света с Большой Тamarой вскрикнули, когда Катя подняла голову: лицо её было в пурпурных потёках.

– Поранилась! Кровища-то какая! Немедленно идём домой! – решительно сказала Света.

– И не подумаю! – Катя провела по лицу ладонью и лизнула её.

– С ума сошла? Не трогай, отравишься или инфекцию занесёшь! – Тамара по профессии была медсестра и везде усматривала опасность заражения.

Катя показала на ягоды:

– Это же шикша, вороний глаз, медвежья ягода! Она вкусная и полезная, утоляет жажду. Но много есть нельзя: начнутся психи. Я знаю это по пионерскому лагерю. К тому же она мочегонная, за это её называют ссыха. Попробуйте, вкусно!

– Ой, девочки, как бы медведь за медвежьей ягодой не пришёл!

На поляне обнаружили смятую железную бочку. Трава вокруг неё была вытоптана. От бочки шёл резкий неприятный запах.

– Здесь рыба. Жаль, что протухла. Среди деревьев, метрах в десяти от края поляны, они увидели добротное бревенчатое сооружение на высокой опоре. Не избушка ли это старухи Лоухи – карельской Бабы Яги? Любопытно было узнать, что там, в избушке, но лестницу не нашли.

Осмотревшись, девочки обнаружили, что стоят по колено в зарослях черники. Сколько её! Прохладная, тяжёлая, дымчато-сизая ягода плотно облепила высокие кусты. И здесь началась работа: горсть поменьше – в ведро, горсть побольше – в рот. И жевать не надо: прижмёшь нежную ягоду языком, и она бесследно растекается сладким, с лёгкой кислинкой, блаженством. И вот уже – чёрные зубы, синие губы и фиолетовые пальцы.

– Смотрите, кто-то здесь набезобразничал, – Катерина стояла около куртинки, на которой зелень черники была измята, ягоды раздавлены, а некоторые кусты и вовсе выдернуты с корнем.

– Наверное, кто-то, как наша Катя, не смотрел под ноги и шлёпнулся.

– Только этот кто-то большой и тяжёлый.

Ни ветерка. Густой, хоть шапкой черпай, аромат вызревших ягод кружил голову. Вёдра приятно тяжелели, три яркие косынки то тут, то там вспыхивали среди черничника.

Вдруг Светлана заметила: смолкли птицы. Ей показалось, что перестали звенеть комары. Среди тишины она услышала, будто бы провода гудят на ветру, хотя линии электропередач рядом не было.

– Слышите: провода гудят? Эти звуки похожи на ворчание медведя, – она со своими малышами побывала в зоопарке и запомнила, как рычит «добрый Михаил Потапович из сказки».

Звук повторился. Он становился всё громче и ближе. И Светлану осенило: это ж медведь! И не в зоопарке, не в клетке, а где-то рядом, может, за теми кустами.

– Девочки, это медведь ревёт!

Подхватив вёдра, почти полные ягод, девушки ринулись обратно. Полуразвалившуюся гать перемахнули, как на крыльях. Не чуя ног, пронесли по тропинке.

Теперь о красотах лесах не думалось. Зловещая тишина словно бежала за ними.

Вёдра казались стопудовыми, но бросить их – ни за что! С правой стороны дороги по склону оврага затрещали кусты.

– Свет, посмотри, что там трещит. Может, ветер... Чего молчишь?

В пылу бегства от опасности Большая Тамара и не заметила, как Света, бежавшая сзади, обогнала её и скрылась за поворотом.

Треск прекратился.

– Ну, вот и нет никого, а мы испугались.

Она не дождалась ответа, замедлила бег, обернулась.

Из кустов, метрах в десяти от неё, вывалился медведь. Неожиданно для себя Тамара схватила бутылку с лимонадом и швырнула её в грудь бурого меха.

Бутылка ударилась о камень, и тёплая газированная вода с шипением и пеной вырвалась на волю.

Медведь встал на задние лапы, раскрыл пасть, показав жёлтые клыки, рыкнул, подошёл к валуну, обнюхал. Он затряс головой: сладкие брызги попали зверю в глаза, в нос, на язык. Медведь стал вылизывать камень, урча, причмокивая, роняя слюни. Иногда он негромко взрывал, и его густая шерсть волновалась, лоснясь на солнце: лето в этом году удалось сытным. Пожевав мох, пропитавшийся сладким, он взрыхлил когтями землю (не раз ему приходилось лакомиться гнёздами земляных пчёл), махнул лапицей по тёмному боку валуна, оставил на нём «письмена», читаемые в медвежьем мире. Забыв о чужаках, хозяин леса неспешно скрылся в кустах.

А подруги уже подлетали к воротам воинской части: спасены.

Около дома на лавочке сидела местная жительница тётушка Тервех. Так называли её обитатели городка, потому что при встрече она всегда говорила: «Тервех», что по-карельски значит «здравствуйте».

Света рассказала, что произошло. Тётушка Тервех погладила Свету по плечу:

– Ой, тутар (дочка), чуть вы сиротами своих деток не оставили. Там охотники лабаз сколотили и медведей прикармливают – неделю, как охотничий сезон объявили. Вы хоть и образованные, а в дом хозяина без приглашения да со своим беспорядком пришли. В лес ходить – не городское кино смотреть. Здесь всё взаправду.

Тётушка Тервех помолчала и добавила:

– Повезло вам – хозяин сытый был. Раз отпустил – по сто лет жить будете.

Долго потом, веселясь, вспоминали девчата, как ходили на тихую охоту и как «стреляли» в медведя.

Яна Столицына

Яна Алексеевна Столицына родилась в 2001 году в г. Заречный Пензенской обл.

Участница молодёжной творческой площадки ЗатоАрбат. Автор сборника «Ласточки летают низко». Печаталась в журналах «Сура» и «Чердобряк», в коллективных изданиях.

Лауреат конкурса им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет».

Ласточки летают низко...

– Ты плачешь?

Дмитрий Ласточкин поднял голову, вытер слёзы, посмотрел по сторонам, но никого не увидел. Вокруг, конечно, были люди, но среди них не было никого, кто бы мог спросить его. Он снова опустил голову и погрузился в свои мысли.

– И всё-таки что-то случилось. Расскажешь?

Мальчик снова поднял голову, снова – никого, только ласточка кружилась над ним. Наверное, где-то поблизости было гнездо.

«Докатился, – подумал он, – уже голоса слышу...».

– Ты, может быть, обратишь уже на меня внимание?

Лёгкий толчок в бок заставил его в третий раз отвлечься от своих грустных мыслей и поискать взглядом говорившего. От неожиданности он вскрикнул и чуть не свалился со скамейки. Перед ним стояла маленькая девочка с иссиня-чёрными волосами и тёмными, словно бусинки, глазами, одетая в лёгкое синенькое платьице с красненьким бантиком на воротничке.

– И нечего так кричать, – спокойно сказала она и села рядом. – Ну, рассказывай уже.

Дмитрий не сводил с незнакомки глаз: всего секунду назад её здесь не было. Девочка смотрела на него и, казалось, чего-то ждала, но, похоже, не дождалась и строго повторила:

– Рассказывай!

– Что?

– Как что?! Что случилось, рассказывай!

– Понятно! Явилась из ниоткуда и требует, чтобы ей зачем-то всё рассказывали.

– Ну, как зачем? – удивилась девочка. – Я же вижу, что тебе хочется с кем-нибудь поделиться своими переживаниями, – она театрально вскинула руки.

Он всё так же смотрел на неё, не в силах произнести ни слова. Девочке, похоже, это не очень понравилось, и она тихо произнесла:

– И не надо так подозрительно молчать! – она погрозила пальчиком перед самым его носом.

Дима пришёл в себя и еле проговорил:

– Кто ты?

– Это сейчас не важно, – уклонилась девчонка от ответа. – Ты мне понравился, и я захотела тебе помочь. Так почему ты плакал?

– Да не плакал я... Просто день неудачный.

– А почему неудачный?

– Ну... – он задумался, стоит ли говорить об этом, но, с другой стороны, терять нечего, и он сказал. – Ну, двойка.

– А за что двойка? – не унималась девочка.

– За историю.

– Какую историю?

– Родного края... Отстань!

И тут девчонка расхохоталась так, что чуть не упала. Диме стало стыдно, и мысленно он назвал себя дураком. Нечего первым встречным всё рассказывать.

Девочка всё смеялась, а потом спросила:

– Ты хоть знаешь, в каком городе живёшь?

– Да знаю я, – возмутился он, – в Пензе.

Вдруг девочка вскочила со скамейки и протянула свою маленькую, похожую на ласточкино крылышко, ручку.

– Хватайся! – сказала она и хитро улыбнулась.

Он нехотя взял её за руку. Как только Дима прикоснулся к ней, ему на секунду показалось, что он может слышать больше, видеть больше и чувствовать больше, чем раньше. Ещё секунда – и они уже парили в небе. Такого поворота событий он точно не ожидал и так перепугался, что хотел закричать, но крик застрял в горле.

Девчонка же, наоборот, смеялась, ловя восходящий поток ветра, и повторяла:

– Как же это здорово!

Вскоре они приземлились. Димка не удержался на ногах, рухнул на землю и с облегчением выдохнул:

– Земля... наконец-то!

– Высоты боишься?

– Да тут любой испугается! Да и как ты это делаешь?

Но девочка промолчала.

Мальчик поднялся на ноги и огляделся. Вокруг был город. Его город, но какой-то другой. Более старый или, точнее, старинный. Вместо асфальта – брусчатка. Вместо машин – экипажи, запряжённые лошадьми. Люди в

одеждах прошлых лет: женщины в длинных красивых платьях и шляпках, а мужчины во фраках и цилиндрах. Дима стал нервно оглядываться по сторонам.

– Не волнуйся, нас никто не видит, – малышка улыбнулась и продолжила уже учительским тоном:

– Итак, сейчас я начну читать тебе лекцию.

– Чего?

– Ничего! Лучше ответь: на какой мы сейчас улице?

Дима огляделся ещё раз, сдвинул брови и начал сосредоточенно думать. В голову ничего не приходило.

Девочка вздохнула:

– Эх, ты! Это же Лекарская улица.

– Да нет такой улицы!

– А вот и есть!

– А вот и нет!

– Есть! Это сейчас она называется улицей Володарского, а раньше была Лекарской! И знаешь, в каком году её так назвали?

– А ты ещё и год знаешь? – удивился Ласточкин.

– 1815, – гордо ответила девчонка.

– Ещё в конце XVIII века в Пензу прибыл один швед, и звали его...

Девочка задумалась, пытаясь вспомнить имя.

– Может, Петерсон? – неуверенно предположил Димка.

– А ты откуда знаешь? – удивилась девчонка. – У тебя же двойка.

– Забудь уже о моей двойке! – рассердился мальчик.

– А фамилию... – он замялся, – слышал где-то.

– Ну, ладно, – девочка прищурилась, а потом кашлянула и продолжила лекцию, – так вот, звали его Петерсон. Он был назначен штаб-лекарем. И была открыта здесь первая аптека. Понятно?

– Понятно, – улыбнулся Димка. – А почему название поменяли? Разонравилось?

– Наверное, – пожала плечами девочка. – В 1919 году многие улицы переименовали. Этой дали название в честь революционера Володарского.

Затем отошла подальше и указала куда-то вдаль:

– А там будет картинная галерея. Ты в ней когда-нибудь бывал?

– Нет.

– Ну, как же так?! – возмутилась новая знакомая. – Надо ведь культурно просвещаться!

Ласточкин пожал плечами, а девочка, вздохнув, снова заговорила.

– А вот там находится дом известного режиссёра Всеволода Мейерхольда. В твоё время в нём будет открыт музей, – тут она понизила голос

до шёпота. – Говорят, там и призраки водятся. А прямо под нами на глубине двенадцати метров – подземные лабиринты.

Он слушал всё, что она говорила, и не мог поверить в происходящее: он попал в прошлое! Это было именно оно! Дима узнавал эти дороги и здания, но в своём времени он не придавал им особого значения. А теперь всё это было так необычно. Ему не терпелось узнать больше, узнать всю историю этого удивительного места, которое было всегда так близко, но в то же время так далеко.

Заметив огонёк в его глазах, девочка предложила прогуляться, а заодно ещё что-нибудь узнать. Ласточкин сразу согласился. Не каждый день выпадает возможность попасть в прошлое!

– Вон в том магазинчике будут продавать удивительные часы! – радостно воскликнула малышка, указав на одно из неприметных зданий.

– Что же в них удивительного?

– Они так забавно тикают! – пояснила она, всплеснув ручками.

– А вот тебе ещё один интересный факт: в честь меня назвали пианино!

– Что?! – мальчик не выдержал и рассмеялся. – Пианино! Серьёзно?!

– Смейся, смейся, – нахмурилась девочка. – А пианино «Ласточка» было очень популярно.

Производство началось ещё в 1952 году. И вообще, «Ласточка» получила международное признание в Милане, в Италии. Вот! – она гордо вздёрнула носик.

– Ну, хорошо, – улыбнулся Димка, – рассказывай дальше.

Девочка продолжила, а он слушал, боясь упустить хоть одно слово. Дима заметил, что его новая знакомая не просто говорит, а скорее, щебечет. Она говорила очень быстро, но чётко, будто боялась что-то забыть.

Он улыбнулся: «Вот ведь... ласточка». Почему именно ласточка? Но малышка так была похожа на эту птичку!

Шустрая и неугомонная.

Вскоре пришло время прощаться. Девочка проводила Дмитрия до сквера, где они встретились. Ему не хотелось с ней расставаться. Пусть и провели не так много времени, но он чувствовал, что привязался к этой озорной девчонке.

– И чего ты на меня смотришь так грустно? – разволновалась она. – Мы же ещё увидимся?!

– Но как?

– Просто будь внимательней. Ласточки иногда летают низко, – она подмигнула.

– Постой, я хотел... – он не успел договорить, как вдруг снова очутился в своём времени. Девочки рядом не оказалось.

Дима задумчиво, но с улыбкой вздохнул: новая знакомая не выходила у него из головы. Как и недавнее маленькое приключение. Теперь его

город стал ещё родней, чем раньше, и гораздо ближе. Ему казалось, что он может чувствовать его, слышать, знать всё, о чём тот думает. И он был благодарен, что судьба подарила ему такой сюрприз. Над его головой что-то быстро пронеслось. Он посмотрел вверх и увидел низко летящую ласточку. Птичка сделала небольшой вираж и вдруг уселась ему на плечо. Дима аккуратно погладил её по маленькой головке:

– Значит, это была ты, – тихо сказал он.

– Трик-трик! – прощепетала в ответ ласточка и ласково клюнула его в щёку.

Ирина Гет-Мудриченко

Ирина Гет-Мудриченко – поэт, эссеист, литературный переводчик родилась 9 октября 1983 года в городе Шахты Ростовской области. Окончила (ПИ) ЮФУ по специальности «учитель истории».

Автор восьми сборников стихов. Заместитель главного редактора по работе с молодыми авторами сетевого журнала «Причал» (Ярославль). Член ярославского СМЛ при СПР. В данный момент проживает в г. Таганроге.

Шрамы

Два длинных шрама (по одному на каждой лопатке) давно уже стали общим местом/затасканной фигурой речи/, так что договоримся – у тебя их не было. В крайнем случае, нарисую их губами. Или кончиками снов (вздрагивающих от смутного покалыванья утра). Следующий – короткий, косой, белый – на левой ладони. Старше тебя самого, из тех времён, когда пили кровь из серебряной чаши (с тебя хватило и жестяной кружки). О следах на запястьях даже не стану спрашивать: руки помнят ещё лунную прорубь, ранящее ледяное серебро её краёв. «Ты похожа сейчас на дочь лесного тролля, вознамерившуюся рассказать сказку о каждом пальце». Какие-то непатриотичные книжки тебе в детстве читали. Опустив глаза, считаю пуговицы на твоей рубашке. Раз, два...а вот здесь, левее, когда-то расплывалось... Нет!нет!нет! Никогда и в помине не было никаких тёмных пятен! Там – твой последний шрам? Блаженно жмуришься/щуришься на пустое тёмное окно, как на солнце/. «Глупая-глупая, мой последний шрам останется на месте тебя».

Поэзия

Наталья Шмелёва

Наталья Валериановна Шмелёва родилась в 1974 г. в Костроме. Работает учителем русского языка и литературы в школе.

Автор сборника стихотворений «Мир без вуали» и двух сборников рассказов. Произведения публиковались во многих коллективных изданиях в России и за рубежом.

Член Международного сообщества писательских союзов, Российского союза писателей, Союза писателей Чувашской Республики. Администратор сайта «Международный литературный клуб «Вдали от суеты»».

Тихое счастье Любимый край

Деревня, милый дом, где крепко сплю,
Двор пахнет свежескошенной травой,
А по весне здесь соловьи поют,
И тянет дымом лютою зимою.

Здесь осенью курлычут журавли,
Нестройным клином пробивая небо,
Чтоб по весне вернуться с той земли,
Где нет чудес земных, что была и небыль.

Здесь разнотравье, зарастает пруд,
И сладко дышится кипрейным чаем,
Леса покой оградой стерегут,
В тебе, любимый край, души не чаю.

Здесь день, как сон и сон, как сизый день,
И я, подобно страннице из сказки,
Лечу сюда, гадая на звезде,
Ловлю в ладони радужные краски.

Дорога

Померкли звёзды, спрятавшись в туман,
Стих шелестящий шёпот по росе,
Стекает потихоньку пелена,
Шагаю по бескрайней полосе.

На ней вчерашний друг и прежний враг,
По ней приходят верные в любви,
То белый, то кровавый вьётся флаг,
Она простою кажется на вид.

Проходит время, растворив туман
И прежние следы былых людей.
Светлеет путь, и прячется луна,
И в ясном мире я иду бодрей

По жизни колее. Кругом цветы,
Лучится солнце, песни в небесах.
Мир полон и чудес, и красоты
И расцветает снова на глазах.

Возвращение

Я вернулась туда, где бескрайни поля,
Где пронзительной ночью бесчисленны звёзды,
Где травой свежескошенной пахнет земля,
Ключевая вода упоительна просто...

Здесь душа отдыхает, а сердце поёт,
И течение времени словно иное.
В небе красною точкой летит самолёт
Рядом с самой таинственной яркой звездой.

А звезда... то влюблённых большая звезда
Светит ярко в пути, освещая дорогу.
Звёзды в небе, а рядом земные места,
Прикипаешь к которым душой понемногу.

И не нужно порой ничего понимать.
Возвращение душу наполнило светом.
Тихой радостью воздух объят... благодать...
Наслаждение тёплым живительным летом...

Закатный август

Закатный август белым росным утром
Дурманит спелым ароматом груш,
Идут задумчиво часы, минуты,
Чуть замедляя трепетанье душ.

Свежее стало днём в тени деревьев,
Дыханье полное жаре взамен,
И, поддувая тропки, вольно веет
По сжатым жнивьям ветер перемен.

Закатный вечер. Нет ещё печали,
В природе оживленье там и тут.
И, обсуждая осени начало,
Беседы насекомые ведут.

Под стрекотание искрят всё ярче,
В чернеющей до одури ночи
Срываются, и падая, и прячась,
Мечты и звёзды – августа лучи.

На волге

Только ещё просыпается Волга.
Тихо. Течёт в полудрёме река.
Писк комариный протяжный и долгий,
Бездна небес высока.

В чистом покое нет места печали,
Здесь я всегда отдыхаю душой.
Благословенны холмистые дали,
Где так дышать хорошо.

Воздух прозрачный, пронзительно-свежий,
Вдох полной грудью – и мысли чисты.
Клеточкой каждой почувствуешь нежность
И исполненье мечты...

Тихое счастье

Тихое счастье не терпит огласки.
Тайны в покрове ночи.
Мгла поглотила и звуки, и краски.
Птица за речкой молчит.

Даже звезда за мерцающей дымкой,
Полу-луна в вышине.
Скроет влюблённых трава, а тропинка
Будто в затерянном сне.

Пару укрыла ракита, качаясь,
Замерло всё и молчит.
Только родник, в ручеёк превращаясь,
Словно сердечко, стучит.

Ольга Корчагина

Ольга Васильевна Корчагина родилась 11 июня 1950 г. в Казани.

Окончила Пензенский политехнический институт по специальности инженер-конструктор. Работала на предприятиях Пензы.

Печаталась в альманахах «Четверги», «Литературная Канада» и др., в книге «Праздники и памятные даты земли Пензенской», в журнале «Четверговая соль».

Участница литературного клуба «Ясень».

В гостях у бабьего лета

* * *

На паутинках солнечным лучом
Играла осень. Чувственная скрипка
Мне пела: «Время ненадёжно, зыбко».
А лист кленовый опустился на плечо.

Ещё дарил серёжки бересклет –
Не рассыпалась осени корона.
Но колокольный отзвук перезвона
Не возвращал мне яркость прошлых лет.

Пусть не вернуться юные года,
И ласкою судьба меня не жалует,
Рассыплет ветер крону и разжалует,
Но музыка согреет в холода.

Живём мгновениями будущих времён,
Как листья, за спиною наши даты.
Теплом и светом счастливы, богаты.
И каждому дан солнца медальон.

Жизнь (шахматы)

Можно только подумать, никуда не идти,
Всё на прежних местах оставить.
Эти шахматы-клетки... они на пути.
Сохранила я их на память.
Голова моя выцвела добела.
Одиночество в клетке-квартире.
Но опять говорю: «Эх, была-не была!».
И шагаю Е2 – Е4.

Малиновый рай

Не прячься, ягода, я всё равно найду,
И ляжешь ты на линии ладони.
Я окажусь у прошлого в саду,
И чувства жаркие опять меня догонят.

Там, на залитом солнышком крыльце
Старушка кормит дедушку малиной.
И столько счастья на её лице!
Тот день был радостным и длинным.

Он к обожанию её привык.
Она же с блюбочка бордовую малину,
Как птаха – кукушонку на язык.
А солнце праздновало лета середину.

Умеет время душу очищать.
Зачем так беззаветно не любила,
Зачем не научилась я прощать
И думала, что в непощенье – сила?

Теплу и холоду, всему есть срок.
Июль окрасил небо бирюзою.
Течёт по линиям ладони сок
И капает малиновой слезою.

Под звёздами

В аромат пыльцы цветов
Мы уйдём под волны звона,
Я – в созвездье Близнецов,
Ты – в созвездье Скорпиона.
В мир придя не навсегда,
Боль и радость пью до донца.
Для кого-то ты звезда,
Для меня – Ярило – солнце.

Мама и пушкин

Ажур теней на потолке.
В бинтах под окнами берёза.
Выходит мама из наркоза,
Её рука – в моей руке.

Молитв не знает мама, пусть! –
Былого времени изъяны...
Но слышу вдруг: письмо Татьяны
Она читает наизусть.

Давно, ещё не зная цену
Тем чувствам, что извечно святы,
Перед войной в тридцать девятом
Читала Пушкина со сцены.

И отозвался эхом стих.
Всё те же на небе светила,
Но боль от сердца отступила,
Вернулась жизнь, а страх затих.

То поколение лет лихих
Сквозь шаткий мир и бури битвы
Несли: кто лозунг, кто молитвы,
А кто – любимые стихи.

Бабье лето

Жаль, что моё не возвратится лето,
Но греет лета бабьего тепло.
Мне стало виноградно-фиолетово
И нежно, и воздушно, и легко.

Твердят об аномалиях в природе
И без конца стращают в новостях,
А я сегодня «во саду ли, в огороде»
Хожу у лета бабьего в гостях.

И осени торжественная свита
Построена на солнечный парад.
Всё будто краской жёлтою облито,
Остался синим только виноград.

На солнце он, как бархат фиолетовый,
Его название как песню повторишь:
Ах, изабелла – в танце с кастаньетами,
А не какой-нибудь, хоть сладкий, но кишмиш.

Когда зима всё белым изукрасит,
Закатный луч скользнёт наискосок,
Пусть жизнь мою воспоминаньями украсит
Мой виноградный кисло-сладкий сок.

Мария Затонская

Мария Романовна Затонская живёт в городе Сарове, где и родилась в 1991 году. Окончила филологический факультет Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина в Москве. Лауреат и дипломант нескольких поэтических фестивалей и конкурсов. Публиковалась во многих журналах и альманахах. Автор книг стихов «Дом с птицами» и «Миниатюры». Главный редактор интернет-журнала «Пролиткульт».

Облака похожи на божьих рыбок

* * *

Мальчик в больнице сидит над книжечкой.
Пишут: солдат и крестьянка встретятся после войны,
в сорок шестом,
он без ноги, она без молодости
в стареньком платье в горошек.

Но это неважно, мальчик уже понимает
и представляет,
что где-то
в придуманном январе
лает собака на госпитальном дворе,
домишко напротив в облаке тонком летит,
худенькая медсестра накладывает бинт,
рана окна, побелевшая в снегопад,
больше не ноет, мамочка, не болит.

* * *

На крыше стоэтажки
лежу под линиями электропередач,
они уползают за край,
как эскалаторы в метро.
По ним уползают синички
размером со спичечные коробки.
Облака похожи на божьих рыбок.
Так много вокруг,
что как бы теперь
не исчезнуть.

* * *

И потом остаётся
раз-два и обчёлся,
воспоминания, облака, пчёлы,
дедушкин смех, мамин смех,
смех музыкального проигрывателя,
тра-ля-ля-ля.
Папа вещает
умные вещи,
пустые вещи,
из пустоты
слагаются
грядки эти
и эти кусты.

За деревянным домиком
вишня ещё не вызрела,
время ещё не вышло.
Панаму надень, ветер.

* * *

Уходя, оставишь квартиру, машину, дачу,
дети поделят, внукам достанется
чужая память,
нажитая непосильным трудом,
коробки с шифоновыми платками,
надевать любила, на дискотеки ходила,
во поле берёзонька стояла,
ветер с Волги, душица, горячее лето,
прошло бесследно,
некому рассказать.

* * *

Вещи тоже умеют сходить с ума,
набиваются в остроконечные мешки,
ковёр свёрнутый говорит: стена
была будто берег реки.
Очищенная квартира сочтется, как апельсин,
пыль осела и теперь один
диван посреди комнаты замер на полпути,
жизни так много, что сразу не вынести.

* * *

Дело даже не в музыке или смерти,
иногда поливаю цветы на подоконнике в подъезде
из маленькой такой нежности.
«Возьмите к себе, пожалуйста.
Жалко выбрасывать», – соседка сказала,
налила бутылки, рядом поставила.
Пеларгония, кактусы и алоэ...
Не могу, у меня своих двое.
Может быть, в уголок хотя бы –
и ждёт пощады
любовь, которую мне не надо.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Сергей Филин

г. Пенза

* * *

Тьма – не отсутствие света,
Ночь – это просто завеса,
Я пролетаю кометой
Мимо осеннего леса,

Мимо полян и тропинок,
Где мы гуляли когда-то,
Мимо ночных вечеринок,
Мимо мгновений без даты...

Я пролетаю, и снова,
Вижу всё, словно воочью.
Я говорю им: «Здорóво,
Светлые призраки ночи!».

Валентина Филатова

г. Сердобск Пензенской области

Тучи

В небе тучам тесно. Ходят
Тучи тучами. Госка.
Злятся, места не находят,
Жмут друг друга, бьют в бока

Так, что искры вылетают
От ударов. Сверху гром
На земле людей пугает,
Ну, а тучам нипочём, –

Позлобились, разбежались,
Ветер в угол их загнал,
А пока они сражались,
Струи в землю дождь вбивал.

Фёдор Могузов

г. Новочебоксарск, Республика Чувашия

Вот и кончилось лето

Вот и кончилось лето, не смог им напиться,
И в душе наступил... будто тихий антракт,
Потянулись на юг перелётные птицы,
И с полей улетает последний косяк.

Над болотами тихими грустно и строго –
Не в последний ли раз они здесь прокричат.
И наполнится сердце туманной тревогой.
Никогда ничего не вернётся назад.

По Руси колоколен звук эхом под вечер.
По-над кромкой тончайшей несжатых полей.
Люди жгут у икон поминальные свечи,
Провожая в осенний закат журавлей.

Татьяна Шварёва

г. Пенза

* * *

По утрам облака и туманы,
Журавлей молодых – голоса,
В бархатистых нарядах поляны
Серебрят жемчугами роса.

Восхищают осины румянцем,
В позолоте берёзы, а клён
Колдовским полыхает багрянцем,
Будто жгучим лучом опалён.

Прохожу вдоль разлапистых сосен,
Мелкий дождь моросит по косой,
Осень дивная, яркая осень
Принесла тишину и покой.

Опустилась на землю прохлада,
Воздух пряный напился воды,
Золотистая цветь листопада
На душе оставляет следы.

Евгений Харитонов

г. Белгород

Признание

Люблю я с детства поутру
В траве рассыпанные росы.
И как берёзки на ветру
Невольно расплетают косы.

От солнца сморщенный ручей,
Меж бережками задремавший.
И как из земляных печей
Выходит пар, слегка уставший.

Люблю распевку соловья
Чуть-чуть фальшивую спросонок.
Полёт мохнатого шмеля
Среди ромашек-незнакомок.

И пить взахлёб из родника,
В котором жизненная сила.
Всё это в сердце на века,
Как и любовь к тебе, Россия!

Анна Мартышина

г. Пенза

* * *

А это бог – его потом распнут,
Ну а пока – смотри, какой высокий,
Он, словно рыцарь из старинных сказок
Или весёлый русский богатырь,
Сошедший с тысяч одинаковых картинок.

А это жизнь – её уже живут,
И доживут до дна и сожалений,
Ну а пока смотри, как хороша –
Густым июньским облаком накрыта,
Пушистая и будто бы большая.

А это я – сажу, как воробей
На жёрдочке – на лавочке и плачу.
Меня потом раздумают писать,
И в книжке будет меньше персонажей,
Ну а пока – смотри, как я могу
И всхлипывать, и шуриться, и думать.

И чем-то настоящим отдавать
В больнично-белой пустоте бумаги.

Олег Карев

г. Пенза

Русское село

И горько, братцы, и в отраду
Родное видеть мне село.
Душа ему, как прежде, рада,
А вот глазам не повезло:

Бурьян, бурьян. Кругом бурьяны
Вокруг заброшенных домов,
Что ныне, словно тараканы,
Плодятся в поймах городов.

Зияют безднами оконца,
В лугах не косится трава
И смех девичий у колодца,
Услышишь здесь теперь едва.

Всё ниже горбятся избушки
И тихо чахнут без людей.
И тех, где есть ещё старушки,
Не будет участь веселей.

Эх, кто бы всё исправить смог!
Но, видимо, кому-то нужно,
Чтобы святой Руси исток,
Исчез в провале равнодушья...

Толма Городнова

р. п. Бессоновка Пензенской области

* * *

У дороги – путники, а у птиц два крыла,
У ребёнка – сказка, а у взрослых – дела.
У избы позаброшенной удручающий вид,
О плохом и хорошем сердце память хранит.

У врага нет смирения, нет корысти в любви,
Дружба – наше спасение, в детях – счастье семьи.
Воли нет в малодушии, ссоры нет без обид,
Что-то есть в одиночестве, подвиг дух воскресит.

Скрыт рождения замысел и тревожит финал,
Жизнь глаголет загадками. Много ль ты разгадал?!

Сергей Арутюнов

г. Москва

* * *

Выступавший по вторникам и четвергам
В молчаливых собраньях ворон и галок,
Я разжёвывал приторный чуингам
И в речах бывал неизбывно гладок,

И боялся, что снова придет строфа,
И опять окажусь я ей исповедник,
И не верил в несущиеся слова,
Будто Анненский, падающий на ступенях,

Потому что происходил из эпох,
Повенчавших шлифованный мрамор с розгой,
Где уроки выучивают назубок,
Нараспев каждый смертный урок свой.

Антон Хрулёв,

г. Пенза

Бой

В бой мы ринулись скопом,
Не все вернулись назад.
Пули свистят над окопом,
Дроны, как шершни, гудят.
Я помню, как это было:
в атаку мы шли опять,
но были неравны силы –
к утру нас осталось пять.
В бурьяне, в широком поле
остались друзья лежать.

Лауреаты конкурса «Одно стихотворение года – 2022»,
занявшие 3 место:

Тамара Химатова

г. Никольск Пензенской области

Полыхало над страной

Полыхало над страной горе горькое,
Разлилось оно по всей земле-матушке,
Чёрным диском солнце встало над зорькою,
Со врагом пошли сражаться ребяташки.

А тому врагу конца-края не было,
Супостатом в сто голов лихо множилось...
Как деревья, всех живых с корнем вырвало,
Раскидало, размело, не тревожилось.

Проплывали над землёй тучи-странницы,
Злые ветры да морозы кручинились,
Только вздыбились тогда добры молодцы,
Подпоясались они, подбоченились.

Говорят: «Не быть врагу больше целому,
Пусть и мы погибнем, но в ратной доблести,
Уж его мы повернём к Свету Белому,
У него ведь ни души нет, ни совести».

Поднялась тогда с лихвой вся сторонuşка,
Стариков да баб там было немерено,
Рядом с мужем воеводила жёнушка,
Малым детям пособлять было велено.

И погнали прочь нечистое, гадкое,
От земли родимой – чудище жуткое.
Победили! Лили слёзы украдкою,
Да глумились над чудищем шуткою.

Много лет с тех пор прошло, много сталося.
Но хранят потомки подвиги ратные,
Чтобы солнце над землёй просыпалося,
Чтоб не лезли супостаты проклятые.

Наталья Мошинская

г. Заречный Пензенской области

* * *

А давай сбежим в Венецию на три дня?!
Станем континентальными романтиками, ты и я!
Отнесём в ломбард твои золотые часы.
Отрастим тебе бакенбарды и сбреем мои две косы.
Этакие непутёвые сентиментальные мудрецы...
Да простят нам нашу безбашенность наши седые отцы.
Прыгнем в гондолу и поплывём вдоль набережной неисцелимых...
А в лодку вина возьмём «Брунелло ди Монтальчино».
И будет пицца нам компенсировать дождливую сырость,
Такая горячая, вкусная, с тягучим, расплавленным сыром.
И гондольер поймёт, что мы счастливы и здоровы,
Когда мы Бродского начнём читать на мотив баркаролы.
Он улыбается нам и подмигивает хитро.
И выводит круги на воде виртуозно его весло.

Александр Зверовицкий

г. Пенза

Глубина осени

Провисло серой ватой небо,
Размыт туманом окоём.
Грязь раскисает коркой хлебной,
Дубы ржавеют под дождём.

Лес отсырел, молчит недвижим,
Рябь морщит в лужах зеркала.
Лишь слабый звук, почти неслышный –
Вдали звонят колокола.

Размывает прежние границы
Унылой гаммой акварель.
Природа спит... Пусть ей приснится
Всепобеждающий апрель.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
«ПЕНЗОВЕД.РФ», основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

КРАСВЕДЕНИЕ

П. С. Горсткин. Тюремный дневник (Продолжение. Начало в № 3)

Пензенская губернская тюрьма (справка)

Пензенская губернская тюрьма была рассчитана на 559 заключённых, но в первые годы советской власти часто содержала до 1000 узников. О внутреннем настрое заключённых Пензенской тюрьмы сам её начальник пишет так: «Они быстро впадают в тоску, беспросветность. Одни грубеют, озлобляются, развивают в себе физические пороки, другие безвозвратно тухнут. В их психике тюрьма является каменным гробом. Их действия, разговор становятся нервнее, злобнее, мысль работает в одном направлении – как бы изыскать способ освободиться...»

В тюрьме была страшная антисанитария. Из-за отсутствия топлива бани топились крайне редко – раз в месяц или в два. Заключённые страдали от грязи и вшей. В 1920 году в тюрьме вспыхнула эпидемия тифа: в этом году было зарегистрировано 120 случаев сыпного и 56 – возвратного тифа.

За первое полугодие в 1920 году в четырёх основных тюрьмах Пензенской губернии содержалось до 6000 человек, среди которых были приговорённые к расстрелу, осуждённые на 20 и более лет заключения в концлагерь.

Основной проблемой в тюрьмах была проблема питания. Нормативная пайка была недостаточной для поддержания обычного состояния; наблюдались случаи сильного истощения. Кроме того, для «особо опасных преступников» предусматривалась голодная норма питания, сниженная на четверть от основной. Часть заключённых по приговору была лишена права в течение 3–5 лет получать передачу. Заключённые постоянно обращались к тюремному начальству с просьбами об увеличении пайка, особенно те, которые заняты на тяжёлых принудительных работах, в частности женщины, исполняющие нелёгкий труд по стирке белья для арестантов.

Примерно в таких условиях, мало изменившихся за год-полтора, в пензенской тюрьме пребывал в 1921–22 годах автор дневника Павел Сергеевич Горсткин.

Корпус Пензенской губернской тюрьмы

Пятница. 2 декабря.

Декабрь. Зима на дворе. Белым пушистым покровом покрыта земля. Ясное, совершенно голубое небо ласково раскинулось над головой, блестя и отражая чистый, горящий алмазами снег. Мороз. Розоватый дым высоко поднимается столбом над крышами, пропадая где-то в синеве. Как хорошо кругом, какой безбрежный простор разлит в этом лазурно-бирюзовом небе.

<...> Совсем другая жизнь окружает меня, что-то гнетущее, злое, мрачное смотрит из всех углов, говоря: всё это сон там, только здесь кругом жизнь. И я действительно сознаю, что та жизнь – жизнь сна и покоя, какая бы грязная она ни была. А здесь кругом только и сознаёшь настоящую, чисто человеческую угрюмую и злую жизнь, жизнь разума, страстей, животных инстинктов.

Суббота. 3 декабря.

Я боюсь за себя. Мне невыносимо тяжело становится с каждым днём. Я чувствую, что я как натянутая струна. Вот-вот она оборвётся. Я не могу больше, лучше сойти с ума, чем испытывать это ужасное чувство. Что со мной – я даже не могу себе объяснить. Я только сознаю, что меня давит это окружающее. <...>

Четверг, 8 декабря.

<...> Я пришёл в больницу совсем разбитый и усталый, словно целый день провёл в работе. А в душе и горе, и злоба, и невыносимая отчаянная тоска. И хочется любить, и страшно, хотя и знаешь, что всего лишь две дороги предо мной – Правда и Ложь. Чего же бояться? Смелей, Бог не оставит меня, вера и любовь поддержат, укрепят и без того измученную душу. Вперёд же, смелей, по пути узкому и тернистому за правду. К чему

оборачиваться назад, жалеть о прошлом? Новая дорога впереди, может, и далёкая, но чистая и светлая. <...>

Наружность моя спокойна, даже незаметно, и интрижки некоторых не задевают меня. Откровенно, это даже мне доставляет удовольствие, а им – злобу. Но в душе буря. Иногда такая находит адская тоска, что не знаешь, куда деться, и еле сдерживаешь себя. В такие минуты я молчу, упорно избегая чьих-либо вопросов и разговоров, и стараюсь лежать с закрытыми глазами, как спящий.

Отчего мне не спится сегодня,
Почему мои руки дрожат
И святую молитву Господню
Мои впалые губы твердят?
И в груди отчего, пламенея,
Милый образ твой ярко горит
И великая вера сильнее
В моём сердце усталом дрожит?
Отчего мне легко и свободно
Среди стона и звона цепей,
И так хочется верить сегодня,
И любить, и страдать за людей?

Пятница. 9 декабря.

Я опять не сплю эту ночь. На дворе метель. Смотришь в окно и ничего не видишь, словно белый туман заволок всё кругом. Лишь туманными пятнами где-то вдали светятся три фонаря трубочного завода¹. Люблю такую погоду, но не здесь. Люблю в деревне. Шагом едешь на санках, и кругом тебя белое молоко. Хлопья снега заваливают всего, залепляют глаза. Кругом всё бушует, бежит и несётся. Лошадь тихо идёт, оступаясь в снегу и чутьём находя дорогу. Бросишь вожжи и, откинувшись на спину, весь спрячешься в тёплой и мягкой шубе. Как мечтается, как тепло и легко на душе. <...> Мечты, мечты, куда вы уносите меня? <...>

Понедельник. 12 декабря.

Дни и недели текут так быстро, что не успеваешь опомниться. А положение наше всё то же, если не хуже.

Среда. 14 декабря.

Интриги некоторых сумели меня таки доконать, и я, ещё не совсем поправившийся от болезней, переведён в Новый корпус в 11-ую камеру. Здесь сидят политические... Несмотря на то, что здесь больше народу, разговоров, мне ещё тяжелее. Судьба, видимо, так и хочет меня доконать. <...>

Пятница. 16 декабря.

В среду нас перевели наверх, в 15-ую камеру. Все говорят, что здесь хуже, но, по-моему, наоборот. Хороший вид из окна на Суру, засурские леса, кругом вольное поле, снеговой простор – ну чего же мне ещё! Сижую читаю, хотя не могу читать, т. к. ничего не понимаю, смотрю в окно, мечтаю, тоскую и мучаюсь в душе.

<...>

Вторник. 27 декабря.

Я опять в больнице, батюшку выпустили, и я теперь занимаю его место завхоза. Дела нет серьёзного, всё знакомо по «Аргуни», но много беготни и ещё больше, наверное, руготни, т. к. ничего нет и всё придётся вырывать с бою. Завтра предстоит бой с «дровяным богом» Мих[аилом] Иван[овичем]. Здесь много лучше, тепло, уютно, приятная (sic) компания, а главное, можно читать и писать, а это для меня единственное утешение в такой ужасной обстановке.

Сегодня ровно 14 дней, как я просидел в новом корпусе. Неотрадно было это сиденье, и ещё неотраднее вынесение взгляда людей, окружавших меня. Кажется, нет ни одного порядочного человека среди того общества.

Среда. 28 декабря.

Ну, уж и денёк выдался, не похоже на празднование моего рождения. С утра метался, как сумасшедший, по всей тюрьме. Дрова, кипяток, стирка белья, покойница, отчёт, ежедневная запись, ругань, споры, ссоры – ну, словом, чего только я не наслышался и не повидал. Ноги устали страшно, я ног не чувствую, одеревенели и зудят. Помилуй Бог, – как говорил Суворов. Сижую, отдыхаю и думаю: дела кончил, спать неохота, или «не хочется», так будет *comme il faut*.

Четверг. 29 декабря.

Господи, какой ужас кругом. Больных масса и страшно тяжёлые, уже многим делали впрыскивание камфары. Один – Моисеев, не даёт всем покоя, темпер[атура] 38,5, но пульса почти нет. Он всё время в бреду и орёт, словно его режут. Его крик ужасен, дик и ничего не обозначает, это последнее ужасно. Он кричит, как заяц, но только более грубо, громче и постоянно. Сейчас ему впрыскивали камфару, я помогал. Ужасное чувство и вид. Лицо перекошенное, обросшее бородой, торчащей во все стороны, оно коричнево-мёртвого цвета, только на щеках красные пятна, глаза как-то страшно прищурены; взгляд замер, словно глаз затёк. Всё вместе – страшно зверски изуродованный вид. Он корчится во все стороны, испуская эти ужасные крики. Впрыскивать было мученье, чуть не сломали иголку.

Сейчас сижую у себя в 3-ей и пишу, а он орёт не переставая. Ужасно. Чувствуешь, что у самого напрягаются нервы от криков, даже не успева-

ешь вздрогнуть, всё время дрожь по спине. Никто не спит. Я не из робкого десятка, но и то мне жутко как-то.

А на дворе метель. Ветер со свистом врывается в щели ставней, глухо гудит в трубе. Окно залеплено хлопьями снега. Я выходил на крыльцо подышать воздухом. Ни зги не видно, в трёх шагах не разберёшь предмета. Огромные сугробы навалило по сторонам дороги, они растут почти на глазах в молочной мгле. Жутко и тут, но не мне, это моя стихия. Я люблю метель и не раз плутал в этой дикой стихии.

Я стоял на крыльце и думал... – пожалуй, ничего не думал, а лишь туманно хотел думать и вдыхал в себя свежий воздух. Меня всего облепило снегом. Как-то весело стало, и не то чтобы весело, но легко дышать, и не так горько сознавать свою жизнь.

Пятница. 30 декабря.

<...> Надо смириться и ждать, верить и надеяться. Претерпевший до конца спасётся. Одно тяжело – это незнание своей участи, хоть бы уж осудили скорей, что ли, и то легче бы было...

Сейчас умер один – ходил выносить. Ему делали 7 раз впрыскивающие камфары. Жалко – мальчишка лет 18–19.

Суббота. 31 декабря.

Ночь. Не сплю. Записываю под свежим впечатлением то, что случилось сегодня. Вечером я был занят отчётом, вдруг меня требуют в контору. Я сначала думал, что по больнице, но посланный на мои вопросы ничего не отвечал. Прихожу туда и вижу всех наших, сгруппировавшихся вокруг какой-то особы. Оказывается, приехала следователь Козлова сообщить, что следствие окончено, и прочесть нам пункты обвинения. <...>

До чтения протокола разговор носил вид какого-то балагана. Все смеялись, она тоже. Говорили, что не понимаем, за что нас посадили. На вопросы, отчего так долго тянули, она ответила, что дело страшно запутано.

– Сначала было у Аустрина, затем у Богомолова и, наконец, попало ко мне, и вообще очень мало материалов. Ну, я прочту протокол, и не пугайтесь.

Такого-то числа след[ователь] Бо[гomo]л[ов] по делу арестованных: Оппеля, Олферьева, Араповой, Высоцкой и др. нашёл:

А[ндрей] А[ндреевич] Оппель² – по своему социальному положению является врагом РСФСР. Занимая место в Губземотделе, распространял провокационные слухи, являлся видным членом организации (?), узнавал частные сведения о советских работниках, и т. д.

С[ергей] П[етрович] Олферьев³ – организовывал пятерки (?), вёл пропаганду среди рабочих и крестьян, имел связи с заграницей и т. д.

Н[иколай] Ф[адеевич] Соинов⁴ – начальник организации в Казённом саду, подготовлял восстание, делал тайные совещания...

Н. В. Калашников – его помощник.

Н[аталия] В[ладимировна] Арапова⁵ – видный член организации, разъезжала по деревням под видом закупки провизии и вела агитацию среди крестьян (?), будучи лишена Сов[етской] Вл[астью] имения и потеряв мужа (расстрелян, полковник), ненавидит РСФСР и её враг. Высоцкая⁶ – член организации «Белого креста» (?), видный деятель организ[ации], имела связь с многими городами, потеря мужа и ещё чего-то.

Н[аталия] А[лександровна] Иванова⁷ – занималась распространением ложных слухов и сплетен об РСФСР и её вождях (?).

Далее следует список людей, которые являлись, так сказать, соучастниками. Многих не помню фамилии, люди лишь совершенно незнакомые, и кто, ей Богу, не знаю.

П[авел] В[алентинович] Иванов⁸, В[алентин] Д[митриевич] Иванов, П[авел] И[ванович] Игошин⁹, В[арвара] А[ндреевна] Оппель, В. В. Оппель¹⁰, Е. М. Деконская¹¹. Затем какой-то Магнус¹², Лемунов, Соронин или Сорокин, Победоносцев, Никонов и ещё кто-то.

Затем мы расписывались, что читали и себя виновными не признаём. Я написал: «Читал, считаю себя положительно невиновным. За исключением своих родных никого из вышеупомянутого списка людей не знаю».

Затем она сказала, что этот протокол составила не она, а другой следователь – Богомолов. И подчеркнула, что всех нас выпустит к Рождеству.

Впечатление она произвела выгодное. Вообще мне она понравилась...

– Ну, за что же вы меня держали? – спросил я её, наконец.

– А вы бы не занимались К[онтр]-Р[еволюцией].

– Да я никогда и не думал, а тут меня и прилепили, я-то чем виноват.

– Ну, выпустят. На Рождество будете на маскараде.

Я просил её по освобождении пустить меня в Питер учиться как можно скорей, а также разрешить переменить эту дурацкую фамилию (Игошин) и позволить матери жить здесь. Она всё обещала. <...>

Понедельник. 2 января.

<...> Ждём обещанного выхода, дай-то Боже; сегодня много освободили, и все политические. Всего осталось писать два листика. Неужели ж концом этой книжки не будет и конец этому бессмысленному сиденью? Помогите, Боже. <...>

Пятница. 6 января.

Завтра Рождество, и конечно, нас не выпустили... Долго ли придётся сидеть; прямо не могу понять, чего они тянут. Хоть бы какой-нибудь да был бы, хоть ужасный, но конец.

-----
¹Третий трубочный завод – предприятие по производству «артиллерийских трубок» (взрывателей для гранат) и других боеприпасов был построен в 1915–1916 гг. С 1921 г. производилась и мирная продукция – керосиновые лампы. С 1931 г. – Пензенский велосипедный завод. В 2014 г. прекратил своё существование.

²Андрей Андреевич Оппель (1871–1956), зоотехник, сын композитора, брат известного хирурга и создателя современной доктрины лечения раненых Владимира Андреевича (1872–1932), адвоката и общественного деятеля Николая Андреевича (1874–1942) и ведущего специалиста по молочному животноводству Варвары Андреевны (1870–1928). Первый муж Наталии Владимировны, урождённой Панчулидзевой (1874–1976), от которой имел дочь Варвару (1901–1989).

³Сергей Петрович Олферьев (1875–1942) – консул в Макинском Ханстве (Персия), историк, писатель и лингвист-иранист. Муж Татьяны Александровны Олферьевой (1886–1948), урожд. Киреевой. Их дети Надежда (1914–1976) и Наталия (1917–1998). Наталия Сергеевна в 1966 году вышла замуж за автора дневника.

⁴Сойнов Николай Фадеевич (?), из казаков Чембарского уезда, агроном, за участие в беспорядках 1905 года отбывал наказание в тюрьме, где заболел туберкулёзом, от которого скончался в начале 1920-х годов. Муж дочери Председателя Чембарской земской управы Сергея Александровича Мороза (1854–1926) Елены Сергеевны (1887–1953). Их дети Даниил (1917–1966) и Варвара (1919–1992). Его брат Аркадий Фадеевич (1880–1953) известный врач в Чембарском уезде, Заслуженный врач РСФСР.

⁵Наталия Владимировна Арапова (1874–1976), урожд. Панчулидзева, родная сестра матери автора дневника. Состояла в первом браке с А. А. Оппелем, разведена. В 1912 году вышла замуж за кавалергарда и Мокшанского Предводителя дворянства Николая Александровича Арапова (1871–1918). Окончила Смольный институт. В Первую мировую войну была сестрой милосердия, затем работала медсестрой в Хореографическом училище ГАБТ СССР. От первого брака имела дочь Варвару.

⁶Вероятно, вдова Александра Станиславовича Высоцкого, капитана 196 пехотного Инсарского полка (1875–1918), расквартированного в Пензе. Расстрелян в сентябре 1918 г.

⁷Наталия Александровна Иванова (1854–1922), урожд. Королькова, вдова В. А. Панчулидзева (1848–1890), позже жена известного пензенского врача, доктора медицины Павла Валентиновича Иванова (1853–1926), мать Н. В. Горсткиной и Н. В. Араповой.

⁸Павел Валентинович Иванов (1853–1926), помещик Кузнецкого уезда, доктор медицины, Пензенский губернский врачебный инспектор, Герой Труда. Женат 1-м браком на вдове Михаила Мунта Наталии Сергеевне, урожд. Карачаровой, 2-м браком на вдове В. А. Панчулидзева Наталии Александровне, урожд. Корольковой (бабушке автора). Его брат Сергей Валентинович был известный общественный деятель, сенатор.

⁹Павел Иванович Игошин – автор дневника, живший под этой фамилией.

¹⁰Вероятно, Варвара Владимировна Оппель (1902–1975), дочь профессора Военно-медицинской Академии В. А. Оппеля, впоследствии известный логопед.

¹¹Вероятно, Елена Михайловна Деконская, спиритка, опубликовавшая в 1901 г. «Замечательные медиумические явления», проводимые в её имении в 1894–96 гг.

¹²Вероятно, Николай Иванович Магнус, податный инспектор Мокшанского уезда.

Наталья Каресли

Наталья Вячеславовна Каресли родилась 4 февраля 1956 г. в Пензе.

Училась в Пензенском культпросветучилище, окончила ВГИК (мастерская нар. артиста СССР А. В. Баталова). Российская и сирийская актриса.

Много лет жила и работала в Сирии. В 2021 г. вернулась на родину.

Участница литературного клуба «Я сень». Печаталась в журнале «Четверговая соль».

Прогулки по родному городу

Вёрсты у меня в жизни были разные, то ровные, то с поворотами и ухабами – обычный дорожный расклад.

Знать не знала, что бывают такие дороги, где тебя перекидывает из прошлого, каким оно виделось тебе издалека, в воспоминания о нём на месте событий, в сегодняшний день и час.

Через сорок лет жизни в дальнем зарубежье, столице Сирии Дамаске, я вернулась в мой скромный город на реке Суре – Пензу.

Возвращение – не простое действие: надо разобрать багаж, посмотреть в окно и принять решение – куда пойти, чтобы почувствовать под ногами тротуары города, где ты родился.

И вот уже без малого два года первая мысль, что приходит в голову на рассвете – куда сегодня?

На сегодняшний марш-бросок у меня ушло полтора часа. С Проспекта Победы до театра маршрут пролёт через мост на ул. Ленина, по Заводскому шоссе, улицам Пролетарской, Каракозова, Старо-Черкасской, Железнодорожной и Чехова.

Знакомые с детства места оказались прежними только в памяти, а теперь – считай, пересчитывай, скольких из них время легонько коснулось ластиком, по скольким прошлось топором.

Когда 90-ые, не будь они помянуты ни с утра, ни к ночи, отправили в небытие ЗИФ – завод, всю Великую Отечественную работавший для фронта, над улицей Ленина, по которой к проходным спешили мои земляки, нависла тишина. Нет людского потока, а вдоль щербатой, давно не латаной дороги доживают свой век осиротевшие липы и тополя.

От тенистого в былые годы сада Второй музыкальной школы осталось два-три старых дерева, а на месте вырубленных, не появилось ни новых молодых деревьев, ни хоть какого-то подобия газонов или клумб.

На месте Третьего хлебокомбината деловые граждане много чего понастроили: мастерские по ремонту машин, банный комплекс, зал для поминок, свадеб и юбилеев – в Сирии такие места называются СААЛАТ АЛЬ МУНАСАБАТ, как в России – пока не знаю. Проходила мимо открытой площадки, где отмечали какой-то праздник, и аниматор терзал слух участников застолья авторскими ударениями в словах затейливыми словосочетаниями, неологизмами. Залетело в уши аниматорское «ихнее», ещё более изысканное, чем обращение пассажиров к водителю маршрутки «Остановите на остановке!».

Перед поворотом с Заводского шоссе на улицу Пролетарскую – развалины санчасти велозавода и единственное светлое пятно – «английская» школа. Наличие ли средств, или совести дают возможность ответственным за лингвистическую гимназию № 6 – так теперь называется моя школа – содержать территорию в чистоте и порядке.

Искать дом-«скворечник» на Автоматном переулке, 9, где жила наша семья в 60-е годы, незачем, вместо него над травяной путаницей стоит одинокая черёмуха.

Дворик. Автор Татьяна Белозёрова

Давно сгорели в печах деревянные изгороди, кривенькие, живые... Старые постройки, уцелевшие на ул. Старо-Черкасской, спрятаны за ужасом нашего «сегодня» – глухими железными заборами. Как ни поднималась я на цыпочки, как ни прыгала, увидеть дом моей школьной подруги Танюшки, отгороженный новыми хозяевами от улицы, не удалось. А каким желанным было там любое время! Зимой слышалось потрескивание поленьев в печурке, весной в окна лился запах яблоневого цвета, летом под ними пестрели клумбы, осенью астры сами предлагали собрать их в школьный букет...

Выжившие на ул. Каракозова деревянные двухэтажные дома и сохранившиеся во дворах амбары с бревенчатыми стенами, тяжеленными замками на дверях, окружены горами поломанной мебели, вышедших из употребления ржавеющих предметов быта, ядовитого пластикового хлама. Раньше люди были опрятнее? Или у них не было под рукой пакетов из-под покерной жвачки? Помнится, росли в палисадниках цветы, а на задних дворах между лопухами и крапивой была земля, по которой ползали мураши, и детей можно было летом выпускать бегать босиком.

Мне, разучившейся плакать, хотелось достать из сумки зеркальце и салфетку, вдруг разревусь...

Во спасение – память. Вспомнилась ВГИКовская однокашница Ирэн Тонэзи. Француженка, она училась на режиссёрском, потом работала в посольстве Франции в Дамаске. В подобных ситуациях Ирэн говорила: «Ничего, баба, и это переживёшь!».

Я переживу, потому что мой счётчик не спит, щёлкает – времени в обрез – и я люблю каждый рассвет, любую тень, всякий звук. На мой век для счастья этого хватит. Однако сердце или душа, как рыба на суше, задыхаются – сегодняшние молодые ходят по испоганенной нарядной пластмассой и равнодушием земле. Такой она останется в их памяти на одной из дорожных вёрст жизни.

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился 21 апреля 1972 в Красноярске. Российский поэт, прозаик, публицист, критик.

Окончил МИСиС и Литературный институт им. А. М. Горького.

Главный редактор портала «Правчение.Ру» Издательского Совета Русской Православной Церкви, научный сотрудник совета, главный редактор Международного детско-юношеского литературного конкурса «Лето Господне» им. Ивана Шмелёва, эксперт Патриаршей литературной премии и Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу». Лауреат и стипендиат многих литературных премий.

Ведёт творческий семинар в Литературном институте им. А. М. Горького.

Мы выбираем

Вопрос о выборе жизненной канвы рано или поздно встаёт перед каждым зрелым работником той или иной сферы производства материальных и иных благ, и тем более словесности, которую за последние сто лет уже несколько раз окликали «С кем ты?».

А вариантов – и было, и есть, и будет всего два.

В стране издавна и насмерть противоборствуют всего две партии, пусть и под различными, да ещё и постоянно меняющимися наименованиями. Одна – русская, другая – антирусская. И впечатление складывается такое, что каждый раз, объявляясь, обе они стесняются назвать себя родовыми именами – одна, очевидно, из великой скромности и пиетета перед самим словом «русский», а другая – из почти нескрываемой неприязни и ненависти к нему.

Странно годами, десятилетиями засыпать и просыпаться в России, дышать её воздухом и называть себя «антирусским». Но не выбрано никакого иного слова для избравших себе в качестве жизненной стратегии сокрушение национальных начал, называемых то «скрепами», то «шовинизмом», то «имперскостью». Смертельно боясь национального возрождения,

считая его преддверием гнёта остальных народов, а то и аккуратно и безнаказанно выбрасывая в прессу прямо антиконституционное «мнение» о том, что России давно пора раздробиться на десятки удельных княжеств с тем, «чтобы мир её больше не боялся», эти люди просто обязаны сказать о себе то, что сказать боятся – что они суть заклятые враги России, её жизненных и ментальных пространств, её уклада, исторического и бытийного почерка. Так было бы честнее, но правомерно ли говорить о какой-либо честности, когда она уклончиво именуется «несогласием» и «оппозиционностью»?

Как бы не затенялась напластованиями «текущего момента» истинная суть их деятельности, «по плодам их» прекрасно видно, какая партия подгоняет всех нас в бездну, а какая пытается оттащить от её края.

ИЗ ЛИЧНОГО. Вступая на литературное поле юнцом лет эдак с тридцать назад, я поначалу не понимал, как различать одних и других: и те, и те в костюмах, ни смокингов с цилиндрами, ни лаптей с косоворотками. И только через несколько, может быть, месяцев начал проступать передо мной изрядно размытый пейзаж, обозначенный некоторыми осевыми для того времени фигурами.

Один: вальяжный, вечно над всем усмехающийся, любящий в литературе «карнавальное начало», снисходительно – если не презрительно – относящийся к самому тексту, каким бы он ни был. «Важна не суть, а упаковка. Теперь время масок, и выигрывают гонку за славой личины, образы, а не смыслы», – дословная его речь образца «святых девяностых».

С того «карнавала» и заметелило: имитация всего и вся – на коне, а остальные, настоящие, подвижники и столпники – не у дел. Фуршетная словесность на подсобе у господ богачей – вот к чему они все тогда вели. К безудержному веселью. Кропайте детективы, чирикайте рекламные слоганы, станьте прихваткой нового НЭПа, зарабатывайте не тем, чего хотите, а тем, что сегодня от вас требуется – так нас напутствовали, так выпускали из одного гуманитарного вуза. Вышли, оглянулись – темно. Пурга. Некуда идти. С порогов гнали.

А вот иной – суровый, желчный, с трагическим выражением обтянутого пергаментной кожей черепа, видимо спокойный, но перетянутый, как струна, готовая лопнуть. Пережив девяностые, он и погиб, а тот, первый, бонвиван, в каждом номере своего журнала рассуждавший о либерализме и залиvisto благодаривший дорогого Джорджа Сороса за неуклонную поддержку, и ныне здравствует, надеясь как-то перемочь некоторые смещения акцентов. И то сказать – буря пройдёт, а все те же самые, как мы знаем по опыту и видим теперь, останутся у руля, при всех рычагах управления. Да и время наше в отношении малейших репрессий в культуре – самое что ни на есть вегетарианское. Есть с чем сравнить. Потому и не о чем этим господам беспокоиться.

Я выбрал русскую партию далеко не сразу. Постепенно и медленно уклоняясь от антирусской партии, можно претерпеть вид не идеологического дрейфа, но нечто большее – путешествие по самому себе. По тому, во что можно верить, а во что ни в коем случае нельзя. И более того – оглоушенный либеральной пропагандой, я испытал путешествие по самому себе вместе со всем народом. Это же он, сотни тысяч ещё советских в оснастке своей интеллигентов, далеко не нравственных вырожденцев, а обычных трудяг, смотрели программу «Итоги» и хаживали на демократические митинги, голосовали за всякую, простите за выражение, шелупонь, и лишь к началу нового века начинали понимать, что их вульгарно и подло обманывали, и что за словом «свобода» не стоит равным счётом ничего, кроме обогащения апокалиптических подлецов. Всё это я в какой-то мере понимал уже в 1990-е, и с теми же убеждениями «гордого бедняка» отучился в одном гуманитарном вузе, знакомство с преподавателями которого открывало некоторые возможности для печати. Семинар мой был на большую часть свою генетически антирусским, и, дотянувшись до того, что поближе, полагая посвятить себя словесности, я начал печататься в либеральных журналах, испытывал тихую и тайную муку, которую сегодня можно назвать когнитивной.

Меня никто не стеснялся. В коридорах либеральных журналов и газет царил цинизм. Ядовитый дурман обрушившихся барьеров стоял в людях, их мимике и жестах, направлении мыслей. Они не столько завидовали тем, кто сколотил состояния, сколько одобряли их нацеленность на сколачивание именно состояний, были вне себя от «новых русских», восхищались наглостью, порой даже подлостью их деяний, и даже непролазной тупостью их, цельностью звериных натур, а утончённостью, то убийц и воров. Это был их идеал, нашедший множество воплощений, это была их цель – перековка патриархального общества «святош» на лютые джунгли, в которых священный для них «естественный отбор» восстановил бы первобытную атмосферу пожирания слабых и очищения от идеологических наслоений. Они поклонялись тому самому Злу, против которого восставал и Христос, и только что сокрушённый ими социализм.

Воздух, пропитанный их торжеством, скоро начинал отравлять, если нельзя было разделить их буйных восторгов. Каждый визит в редакции такого рода оставлял ощущение участия в сатанинской мессе.

(Продолжение в следующем номере)

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Алексей Питиков

Алексей Алексеевич Питиков родился 5 января 1956 года в г. Уфа тогдашней БашССР. Окончил Пензенский политехнический институт. Инженер, офицер запаса.

Пишет стихи и прозу. Участник литературного клуба «Я сень». Член Союза писателей РФ.

Обратная сторона монетки

(продолжим разговор)

С большим вниманием прочёл в 11 номере «Четверговой соли» статью Нины Викторовны Стёпочкиной «Кто допустил?». Никаких возражений. Но есть и обратная сторона у этой «монетки». Причём в двух обличьях.

Обличье первое. Хожу я на заседания литературного сообщества. Такие сообщества (не только литературные) полезными делами занимаются, очень полезными. Они – одно из составляющих фундамента культуры. Но что меня поражает, так это то, что ряд авторов (не все, далеко не все) «чихали с высокой колокольни» и на орфографию, и на синтаксис в своих произведениях. И тут Нину Викторовну дополню – в ряде случаев никаких спонсоров не надо. А кто сказал, что модератор сообщества, или редактор в издательстве, или чиновник не из таких? Да, от ошибок никто не застрахован – и проверяй, не проверяй, изредка всё же у каждого проскакивают. Но это изредка. А у них... Высота их таланта не позволяет им обращать внимание на такие мелочи, как правила русского языка.

А то, что язык – основа культуры любого этноса – об этом даже и не задумываются.

И когда ты в обличье автора, то другим сразу всё видно и сразу всё бросается в глаза.

Но вот облачаюсь я в одежды читателя... Люблю читать не спеша, мысленно представлять в картинках всё, что читаю. И довольно часто задумываюсь о том, что автор рассчитывает на более вдумчивого, более

внимательного читателя (а это уже элемент культуры читателя), чем на самом деле многие из нас являются.

За примерами далеко ходить не надо. Александр Сергеевич Пушкин. Задано выучить наизусть отрывок («У лукоморья дуб зелёный...»). Читаю и представляю в картинках. Дохожу до строк «там чудеса: там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Интернета тогда не было, пришлось в библиотеке порыться – а почему это она на ветвях сидит? Нашёл... Если интересно – с помощью интернета за пару минут ответ получите.

Снова Пушкин. «Евгений Онегин». Первая глава, первая строфа. Если ЧИТАТЬ ВНИМАТЕЛЬНО, то можно обратить внимание на характеристику дяди – и задуматься: а что она означает? Оказывается, Онегин <не прямым текстом, экивоком> называет своего дядю ослом. Почему? Кому интересно – найдёте ответ и на это.

Думаете, я такой уж внимательный? Фигушки! И меня иногда надо «чем-нибудь тяжёлым огреть», да ещё и хорошенько, чтобы дошло. А иногда, как мне кажется, автор даже рассчитывает на несамостоятельное чтение. Конечно, может, это только мне так кажется (а может, и нет – судите сами), но вот два примера.

Пример первый. Одной из первых книжек, которую я прочёл сам, была «Винни-Пух и все остальные» в переводе Заходера. Ну, прочёл – и что? Потом старшему сыну читал, потом другому сыну, потом дочке. И только когда читал дочке – только тогда понял, как это по-разному для взрослого и для ребёнка: «Давным-давно, кажется, в прошлую пятницу...». Для маленького ребёнка прошлая пятница – это действительно давным-давно. А для взрослого? А для взрослого кажется, что в прошлую пятницу, а на самом деле – давным-давно...

Пример второй. Получилось так, что Носовскую трилогию «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне» я прочитал очень поздно, уже в старшей школе. Может, даже и хорошо, что тогда. Потому что понял: первая книга – это пародия на социализм, вторая – пародия на коммунизм, а третья – пародия на капитализм. Но тогда Николай Носов писал в расчёте на то, что ВЗРОСЛЫЙ будет читать ребёнку эти книги.

Вот получается, что это очень даже связанные вещи – культура автора и культура читателя...

Что касается второго, то, как говорится в советской экранизации «Золушки»: «Я только учусь».

Юмор

Владимир Щербин

Владимир Иванович Щербин родился 5 апреля 1950 г. в г. Челябинске. Живописец, график, плакатист. Окончил художественно-графическое отделение Пензенского педагогического училища, Пензенское художественное училище им. К. А. Савицкого, Белорусский театрально-художественный институт.

Член Союза художников БССР и СССР.

Лауреат Всесоюзных и Республиканских конкурсов плаката. Работы находятся в Национальном Художественном музее Белоруссии, Пензенской картинной галерее и в частных коллекциях 12 Европейских стран.

Живёт в г. Дзержинске (Беларусь). Заведует художественным отделением Дзержинской школы искусств. Почётный гражданин Дзержинского района.

История с математикой

Не помню, кто был на нашем курсе ас в математике, но я был точно анти ас. С помощью подсказок однокурсников и шпаргалок перебивался с троечки на троечку.

А вот один урок математики запомнился мне на всю жизнь... Инесса Матвеевна, наша математичка, попала в больницу, и нам дали на замену преподавательницу, как помню, из машиностроительного техникума. Она вошла в аудиторию, открыла журнал и ткнула пальцем в последнюю строчку: «Щербин, к доске». Я вышел, она диктует уравнение, длинное, в два этажа.

– Решайте.

Поворачивается к классу и ведёт опрос. Я стою столбом, девчонки хихикают. Минут через десять преподавательница поворачивается к доске.

– Вам это сложно, напишите попроще, – опять диктует. Такой же двухэтажный пример.

И опять отворачивается к хихикающему классу. Ещё минут через пять снова обращается ко мне и диктует короткое уравнение, одноэтажное, и уже не отворачивается от доски. Я говорю:

– Не могу решить.

И тут началось!

– Как вы сюда поступили?! Вы блатной!

Надо сказать, что блатные студенты тогда не в почёте ходили, да их практически и не было. А математичка не унималась:

– Я вам дала пример из учебника пятого класса! На губах у неё проступила пена, и дама рванула в учительскую.

Кто-то из однокурсников посоветовали мне стереть пример и сесть на место, что я и сделал.

Потом вслед за ней в аудиторию вошли классная руководительница, директор училища, ещё кто-то...

Математичка кричит, они ей объясняют, что вступительных экзаменов по математике у художников нет. Показали в журнале мои оценки по другим предметам. Она немного притихла, и её увели отпаивать каплями.

Классная руководительница посоветовала мне не ходить на математику, пока не выйдет Инесса Матвеевна.

История с математикой на этом не закончилась. На выпускном экзамене по математике комиссия единодушно поставила мне законную двойку. Переэкзаменовку назначили, через две недели. Я зашёл в аудиторию, вытянул билет. Инесса Матвеевна вышла, не помню уже, кто из однокурсников, двое, зашли, порешали мне алгебраическое задание, в геометрии я что-то соображал сам...

Инесса Матвеевна вернулась, заставила меня вывернуть карманы, чтобы убедиться, что там нет шпаргалок, сверила почерк (сам ли писал) и поставила тройку. Напоследок спросила, что я буду делать в школе, если какой-нибудь ученик задаст мне математический вопрос.

Я ей пообещал, что к общеобразовательной школе я близко не подойду. И слово своё сдержал.

Хотя, учился с нами парнишка по фамилии Тугов, так рядом с ним я был великий математик. Чувство цвета было дано ему свыше, писал он только широкими кистями так экспрессивно, что краска летела на пару метров по сторонам. Сбоку от него никто не становился. А вот с рисунком была у него полная труба: руки натурщиков на его работах из рёбер росли, ноги были разной длины, шеи вбок съезжали. Рисунок ведь строить надо, а Тугов не видел разницы между геометрическими фигурами. А касаясь математики, дальше действий сложения и вычитания в школе он не пошёл, таблицу умножения не осилил в своё время.

Наши мудрые педагоги придумали такую схему: вроде бы математику Тугов «проходил» в вечерней школе. Он туда приходил в начале учеб-

ного года, директор показывал ему пару стен в рекреации, он их расписывал, и в конце семестра ему выдавали справку, что по математике у него твёрдая тройка. Эту справку он приносил в училище.

Сейчас такое вряд ли возможно, но тогда одарённых студентов из-за неуспеваемости по не основным предметам не выгоняли. А из нас готовили художников. Наш Тугов наверняка состоялся как живописец.

В девяностые в Беларуси даже отменили математику в музыкальных и художественных учебных заведениях. Года четыре так было, но потом началась компьютеризация, и математика снова стала королевой доказательств.

Тамара Городнова

Тамара Геннадьевна Городнова родилась 19 сентября 1971 г. в Воркуте.

Окончила художественное училище и педагогический колледж. Работала художником-оформителем, воспитателем, офис-менеджером, индивидуальным предпринимателем. Живёт в пос. Бессоновка П. Участница литературного клуба «Я сень».

За пятьдесят

Вот уже за пятьдесят, в жизни изменения,
Отступает борзота, царствует смирение.
Мудрость ходит по пятам, совесть докучает,
От зари и до зари ноет и стращает.

Тут кольнуло, там болит, и сустав трещоткой,
Заведётся так с утра, хоть беги за водкой.
Волос всех быстрее предал, взял и канул в лету,
И как зеркало теперь отражаю свет я.

Ничего, ещё полно разума и воли,
В пятьдесят ещё могу натворить такое!
В пятьдесят ещё хочу и, конечно, буду,
Только с понедельника, если не забуду.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Антон Тюкин

Антон Викторович Тюкин родился 17 апреля 1972 года. Инженер. Член РСП. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Живёт в Вологде.

Солнце

Я смеюсь ему в лицо
И оно смеётся.
Я скорее на крыльцо,
За ограду – Солнце.
За деревья, за дома...
Будет завтра кутерьма
Снова с Солнцем – твёрдо знаю.
Жаль, меня не понимают
Дядя, папа, мама, тётя –
Те, что вечно на работе.
Не в прогулках, не в игре
И не в санках на горе.

Тучки

Путешествуя, на склоне
Тучки сели. У горы
Остаться ли, к короне
Солнца лезть им? – до поры

Думали. И вмиг застили
Трауром лицо долин.
Серостью объяли мили.
Дождь пролили из перин

И растаяли. Лоскутки
Превратились в пар и в снег
На поле. Где те малютки-
Облака, их вечный бег?

Словно горы рафинада –
Ледяные склоны. Жаль
Туч? Зимняя награда –
Под коньком поёт хрусталь.

Родник

Красноватый верх и низ
Мха. Ольшанникова жизнь –
Добрая земная вещь,
Суть которой: течь да течь.

Золотой овёс небес
Сеют кроны. Зреет лес
Тёмно-бурой черноты,
Ярко-рыжей доброты.

Льётся струйка родника,
Что течёт через века.
Из него косуля пьёт,
И к нему лисица льнёт.

Надежда Винокурова

Надежда Николаевна Винокурова родилась 19. 06. 1954 г. в с. Кера (пос. Подгорное) Нижне Ломовского района Пензенской области.

Автор одиннадцати книжек для детей.

Член Интернационального Союза писателей и Союза курских литераторов. Участница литературного клуба «Я сень». Живёт в Курске.

Дружба пернатых

В одном дворе жили цыплята с индюшатами. Когда они были совсем маленькими, все вместе клевали зёрна, гуляли в одном дворе, были очень дружными, пушистыми комочками.

Ближе к осени пернатые стали подрастать. Среди цыплят вырос один Петушок. Он очень хотел научиться кукарекать. Голосочек у него был совсем слабый, и «ку-ка-ре-ку» не очень получалось. Выросли и индюшата. Одному Индюку не понравилось, что по утрам Петушок стал нарушать их сон.

Днём все собирались в одном дворе. Индюк всегда думал, как же отомстить Петушку за то, что он опять разбудил их очень рано. Однажды, пока он думал, Петушок вдруг прыгнул на Индюка и запел: «Ку-ка-ре-ку». Как же Индюку было обидно, что он не может петь по-петушиному и бегать так быстро, как молодой Петушок. Индюк думал: «Ну, отомщу я тебе за всё!». Начал сильно шипеть и даже однажды решил за ним побежать. А Петушок взлетел высоко на лесенку и продолжил кричать своим сиплым голосочком своё любимое «ку-ка-ре-ку».

Долго думал Индюк: «Как же мне быть? Как наказать Петушка за все обиды?».

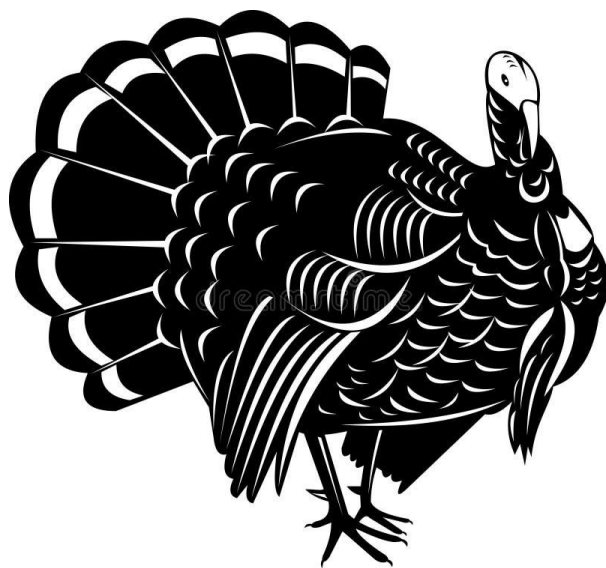
А в соседнем дворе с первых дней жили в дружбе и взаимопонимании пернатые птицы. Они даже часто смеялись над своими друзьями и думали: «Что же они делают между собой?».

Узнав об этом однажды, проснувшись утром рано, Индюк изменил своё решение. Он подумал о том, что не всем дано кричать по-петушиному, да ещё и взлетать так высоко. Зато я могу шипеть, чего не дано сделать молодому Петушку.

С тех пор Индюк стал разрешать сидеть на нём и даже старался не потревожить молодого певца.

Гуляли во дворе, вместе ели и спали в одном сарае без драк и обид, как было ранней весной, когда были совсем маленькими.

Добро победило зло.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Андрей Янин

МОУ школа № 1, г. Белинский Пензенской области.

К портрету И. И. Лажечникова

Высокий лоб, в усмешке губы...
Лажечников передо мной
Открытым взглядом жизнелюба
С портрета смотрит, как живой.

Волна волос легла игриво,
Лицо украсил тонкий нос,
И пальцы сложены красиво –
Художник правду кистью внёс.

Иван Иванович – писатель,
Известный русский романист,
Истории страны создатель,
Неутомимый реалист.

Со дня его прихода в свет
Минуло двести тридцать лет.
Творец Тырановым воспет.
Мы смотрим на его портрет.

Анастасия Дёмина

МБОУ СОШ им. М. М. Осипова с. Кондоль Пензенской области.

Птицам

Вы скажите мне, дикие птицы,
Что летаете вдаль за моря:
Тяжело ли вам с курса не сбиться
И какая прекрасней земля?
Каково вам во время взлёта?
Крыльев взмах – и уже высоко
Разрезать синеву небосвода,
Землю вам покидать легко?
Вы ответите, вольные птицы,
Если встретимся с вами вновь.
Неизвестное ваше бремя
И вопросы волнуют кровь.
Что так тянет вернуться обратно?
Что оставило в памяти свет?
Когда вновь полетите обратно,
Облакам передайте привет.

Елена Зинина

Учащаяся МБОУ СОШ с. Пёстровка Камешкирского района Пензенской области.

Подвиг

Война – страшнее нету слова!
Так много горя от войны.
И нет семьи такой в России,
Где слово это не звучит!
Отец – в плену, убили брата,
А прадед смертью храбрых пал...
Не все домой пришли солдаты,
Есть те, кто без вести пропал.
Их всех мы знаем поимённо,
Их фото бережно храним,
Чтоб рассказать своим потомкам
О подвиге ценою в жизнь!

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

События: Начало июня отмечено представлением нашего литературного клуба «Я сень» и журнала «Четверговая соль» на новых площадках страны. Так в рамках фестиваля «Молодой Пушкин» в Химках Ольга Кузьмина показала проект клуба – моноспектакль «Биомеханика души», а Анна Коржавина там же и в г. Королёве представила наш журнал. «Четверговая соль» неплохо смотрелась на фоне других изданий и пользовалась спросом.

Ольга Кузьмина представила проект литературного клуба Я сень на фестивале Молодой Пушкин

Анна Коржавина представила журнал Четверговая соль на фестивале в Химках

ВСПОМНИМ

Олега Михайловича Савина (24.07.1933 – 03.07.2009):

*Слышал я, что в синем Лукоморье
Есть родник, а в нём вода живая.*

.....
*Оживить родных бы той водою,
Хоть в ладонях принести водицы!
Чтоб восстать им добрым и любимым...*

Гаврилу Романовича Державина (14.07.1743 – 20.07.1816):

Когда Екатерина II вела войну с Османской империей, Гавриил Державин на свои деньги закупил хлеб для солдат, которым угрожал голод, так как снабжение было нерегулярным.

Фёдора Николаевича Ракушина (24.02.1926 – 19.07.2000):

«... Не гонитесь за богатством, его с собой на другой свет не взять, а вот стихи...живут в памяти людей, значит, и Вы будете жить».

Юрия Борисовича Самсонова (07.05.1939 – 21.07.2005):

*...Всея память светлая друзья,
Кого террор сгубил зазря...!*

Михаила Юрьевича Лермонтова (15.10.1814 – 27.07.1841):

*Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.*

Владимира Николаевича Давыдова (09.07.1949 – 03.08.2020):

«Он был готов помочь каждому – знакомому, незнакомому. Очень вдумчивый писатель, из тех людей, которые, зная, что кому-то хуже, чем ему, готовы рубаху отдать».

Александра Александровича Блока (28.11.1880 – 07.08.1921):

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слёзы первые любви!*

Александра Ивановича Куприна (07.09.1870 – 25.08.1938):

Александр Иванович писал о том, что видел сам, знал и чувствовал. Не удивительно, что его произведения отличаются реалистичностью и увлекают читателей.

ПОЗДРАВЛЯЕМ с днём рождения:

Ларису Борисовну Москвитину – 2 июля.
Ольгу Викторовну Кузьмину – 4 июля.
Илью Сергеевича Царёва – 15 июля.
Надежду Николаевну Винокурову – 19 июля.
Валентину Николаевну Филатову – 20 июля.
Татьяну Александровну Бодиш-Трунову – 26 июля.
Дмитрия Александровича Шилова – 28 июля.
Александра Макаровича Чернюка – 2 августа.
Владимира Павловича Ознобина – 14 августа.
Дмитрия Викторовича Савина – 17 августа.
Тамару Геннадьевну Городнову – 19 августа.
Юлию Евгеньевну Латанскую (Кузнецову) – 26 августа
Татьяну Владимировну Кит (Курдову) – 30 августа.
Александра Евгеньевича Зверовщикова – 31 августа.

